«В основе церковного строя должен лежать баланс между властью собора епископов и властью примаса»

*Монография протоиерея Вадима Суворова **«Учение о первенствующем епископе в русском православном богословии в XX веке»**, вышедшая в Издательском доме «Познание», посвящена актуальной теме православного понимания примата первенствующего епископа на различных уровнях церковной организации, включая вселенский.*

В предисловии к книге митрополит Волоколамский Иларион выражает надежду, что публикуемая монография «внесет положительный вклад в утверждение незыблемых принципов православной экклезиологии и будет способствовать прояснению спорных вопросов и преодолению возникшего кризиса в отношениях между Поместными Православными Церквами».

*Корреспондент **«Журнала Московской Патриархии»** Наталья Балукова побеседовала с автором.*

— Тема вашего исследования сегодня приобрела особую актуальность в связи с недавними антиканоническими действиями Константинопольского Патриархата по созданию так называемой «Православной Церкви Украины». В качестве обоснования своих действий иерархи и богословы Константинопольского Патриархата сегодня выдвигают не имеющую общеправославного признания теорию о главенстве и особых властных полномочиях, якобы принадлежащих на уровне Вселенской Церкви первенствующему по диптиху Константинопольскому Патриарху. Вы этой темой занялись задолго до украинских событий. Почему она вам тогда показалась актуальной?

— Действительно, учением о примате первенствующего епископа я занимаюсь уже около 15 лет, со времени написания кандидатской диссертации в Московской духовной академии под руководством моего научного руководителя — профессора протоиерея Максима Козлова. Тема моей кандидатской работы касалась различий в понимании единства Церкви в католичестве и Православии. Как известно, ключевое значение в понимании церковного единства в римском католицизме придается фигуре Папы Римского как первенствующего епископа Вселенской Церкви. Именно разница во взглядах на его полномочия и стала главной причиной разделения между православными и католиками. Однако, изучая этот вопрос, я столкнулся с тем, что и между Поместными Православными Церквами по вопросу трактовки полномочий первенствующего Константинопольского первоиерарха сегодня нет единого мнения. Для меня это стало особенно явным после событий 2007 года в итальянской Равенне, когда на заседании Смешанной православно-католической комиссии по богословскому диалогу был принят документ на тему: «Экклезиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви». В отсутствие делегации Русской Церкви и без учета ее мнения в этот документ была включена формулировка о роли Константинопольского Патриархата, согласно которой критерием единства со Вселенской Церковью на Востоке после разделения с Западом считалось общение с Константинопольским престолом, в то время как на Западе — общение с Римом, то есть фактически была воспроизведена католическая модель. Как указал тогда в официальном комментарии епископ Венский и Австрийский (ныне митрополит Волоколамский) Иларион, Константинополь таким способом попытался через посредство православно-католического диалога подчеркнуть свой особый статус среди прочих Поместных Православных Церквей как своего рода «восточного папы», а Рим попытался показать, что католическое учение о первенстве во многом схоже с православным. После этих событий Священный Синод Русской Православной Церкви поручил Синодальной богословской комиссии изучение и выработку позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. С этого времени я начал интересоваться этой проблематикой и выбрал соответствующую тему для докторской диссертации при поступлении в Общецерковную докторантуру. Однако, выбирая в 2010 году эту тему, я и представить себе не мог, насколько моя диссертация окажется актуальной на момент ее защиты.

— Какие еще актуальные для Церкви вопросы рассматриваются в вашем исследовании?

— Тема моего исследования тесно связана с вопросами универсального первенства, апелляционного права во Вселенской Церкви, а также с проблемами диаспоры, диптиха, автокефалии и способов ее провозглашения. Эти вопросы до настоящего времени не получили общепринятого решения в Православной Церкви. Отсутствие единой позиции по этим проблемам не только представляет серьезную угрозу для церковного единства и продолжает приводить к конфликтным ситуациям во взаимоотношениях между Поместными Церквами, но и вредит делу православного свидетельства перед инославным миром.

Также в работе удалось выявить тесную связь между учением о первенствующем епископе и другими «магистральными» для русского православного богословия 20 века темами: отношение к канонам; власть и право в Церкви; природа церковного единства; институционализм и иерархизм; сущность предстоятельства и представительства; роль епископата и природа епископского служения; значение мирян и проблема рецепции; евхаристическая природа Церкви; соотношение поместного начала и универсализма; Церковь и государство; территориальный и национальный принципы в церковном устройстве; соборность и бюрократизм; авторитет и свобода; место Духа Святого в жизни Церкви. Все эти темы в наши дни не потеряли своей актуальности не только в Русской Церкви, но и за ее пределами.

— Тогда почему вы выбрали для своего исследования именно русское православное богословие?

— Причин было несколько. Не скрою, что поначалу я хотел охватить все православное учение по этому вопросу. Приступая к работе над темой, я, естественно, решил начать с исследования родной мне традиции. Однако, погрузившись в труды русских богословов, касавшиеся учения о первенствующем епископе, я понял, что только их рассмотрения может хватить на несколько докторских диссертаций. Тем более что до меня эту тему настолько подробно еще никто не исследовал. Также выяснилось, что в XX веке именно русские православные богословы внесли наиболее значимый вклад в полемику с Константинополем и разработку положительного православного учения о примате первенствующего епископа, с чем, кстати, сегодня соглашаются и некоторые видные греческие богословы. Этому способствовал целый ряд исторических и политических факторов, которые подробно рассматриваются в работе. Например, расцвет русской богословской школы и церковной науки на рубеже XIX–XX веков. В качестве иллюстрации могу указать, что в известной книге богослова Константинопольского Патриархата митрополита Сардского Максима «Вселенский Патриархат в Православной Церкви: историческое и церковно-

каноническое исследование»1 (1972), значительное место уделялось трудам русских дореволюционных авторов — Т. Барсова, А. Павлова, П. Гидулянова, А. Лебедева, В. Болотова. В XX столетии русские православные богословы активно ссылались в своих работах на дореволюционные отечественные исследования.

Кроме того, русские православные и католические богословы проявляли взаимный интерес на путях нового осмысления проблемы примата. Например, идеи, высказанные такими богословами русского происхождения, как протопресвитеры Николай Афанасьев, Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф, не только определили в XX веке лицо современной православной экклезиологии, но и оказали существенное влияние на римско-католическую экклезиологию, обновленную на II Ватиканском соборе 1962–1965 годов. Отец Николай Афанасьев стал единственным современным православным богословом, на которого, как на авторитет, давались ссылки в актах II Ватиканского собора. Разработанная Афанасьевым концепция так называемой евхаристической экклезиологии стала одной из ключевых тем современного христианского богословия.

— Вы сейчас назвали имена православных богословов русской эмиграции. Как известно, русские православные богословы в XX веке оказались в разных юрисдикциях. Это как-то повлияло на различия в их позициях?

— Да, и это сразу определило одну из наиболее важных и «рискованных» задач исследования, а именно: попытаться ответить на вопрос, можно ли, принимая во внимание имевшиеся противоречия, говорить об учении о первенствующем епископе в русском православном богословии как о чем-то едином? Как взгляды разных русских православных богословов по этому вопросу соотносились друг с другом, с официальной позицией Московского Патриархата и православным учением в целом?

Анализ имевшихся различий в подходах, а также внешних условий, в которых в XX веке находились русские православные богословы разных юрисдикций, позволил объединить их позиции в три основные группы по юрисдикционной ориентации — «московской», «карловацкой» и «евлогианской». В развитии учения о первенствующем епископе позиции богословов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви в XX веке оказались наиболее близкими. Позиция богословов «евлогианской» ориентации по некоторым вопросам испытывала влияние со стороны Константинополя, что было обусловлено в большей мере юрисдикционной принадлежностью. Исследование показало, что различия в позициях богословов «московской», «карловацкой» и «евлогианской» ориентаций в основном были вызваны не богословскими, а политическими причинами и стали трагическим следствием революции и гонений на Церковь в СССР. В учении о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века

удалось выявить наличие общего «ядра», объединяющего позиции богословов разных направлений. Предложенные в работе оценки имевшихся расхождений позволяют сформулировать единую позицию, которая может быть признана адекватной русской богословской традиции, официальной позиции Московского Патриархата и православному подходу в целом. Эта возможность — главный положительный и практически значимый итог работы.

— А какие различия в позициях, о которых вы говорите, были наиболее существенными?

— Главное каноническое и экклезиологическое основание православного учения о первенствующем епископе все русские православные богословы XX столетия видели в 34-м Апостольском правиле, устанавливающем принцип гармоничного сочетания единоначалия и соборности в церковном устройстве. По мысли русских богословов, именно это равновесие между властью первенствующего епископа и Собора, с одной стороны, обеспечивает в Церкви единомыслие и порядок, а с другой — сохраняет Церковь свободной от человеческого произвола и открытой к действию Святого Духа. Русские православные богословы отмечали, что этот принцип призван осуществлять и являть в жизни Церкви единство по образу Пресвятой Троицы в соответствии с триадологической концовкой канона. Однако, признавая фундаментальное значение 34-го Апостольского правила, русские православные богословы разошлись в вопросе его применимости на универсальном уровне, трактовке сущности папизма и объяснении этнического принципа церковной организации, отраженного в тексте 34-го Апостольского канона.

Богословы «московской» ориентации (профессор С. В. Троицкий, архимандрит Софроний (Сахаров) в период их принадлежности к юрисдикции Московского Патриархата) настаивали на том, что 34-й Апостольский канон относится исключительно к поместному уровню Автокефальной Церкви и в принципе не может быть распространен на вселенский уровень. Существование вселенского первоиерарха с полномочиями, предусмотренными 34-м Апостольским каноном, эти богословы отождествляли с различными экклезиологическими и триадологическими ересями — папизма, субординационизма, дуализма.

С критикой этой точки зрения выступали богословы «евлогианской» ориентации (протопресвитеры А. Шмеман, И. Мейендорф и другие). Они исходили из того, что на 34-м Апостольском правиле основана каноническая структура современных Поместных Автокефальных Церквей, административно не зависимых друг от друга. Существование в Поместных Церквах своих первоиерархов не может однозначно отождествляться с папизмом, субординационизмом или дуализмом. Теоретически Православная Церковь могла бы состоять из одной Автокефальной

Церкви с Вселенским Собором и вселенским первоиерархом во главе. Такое каноническое устройство нельзя однозначно отождествлять с папизмом, поскольку оно не противоречит основам церковного строя, выраженным 34-м Апостольским правилом, а общее количество Поместных Автокефальных Церквей канонически и догматически не регламентировано.

Вместе с тем русские православные богословы всех направлений были согласны в том, что исторически Вселенская Церковь подобного устройства никогда не знала: процесс церковной централизации во Вселенской Церкви — возможно, по особому Промыслу Божию — не дошел до конца и остановился на образовании нескольких Патриархатов, не подчиненных единому центру. Канонически необходимое первенство среди епископов сегодня существует на уровне Поместных Автокефальных Церквей. 34-й Апостольский канон говорит о епископах «всякого народа», которые должны «знать первого в них», т. е. подразумевает существование множества первенствующих епископов у разных народов, не требуя, чтобы все епископы Вселенской Церкви «знали» единственного первенствующего епископа. Канонов, утверждающих необходимость вселенского первоиерарха, в существующем каноническом корпусе Православной Церкви просто нет. Вселенской юрисдикции какого-либо первоиерарха в Православной Церкви нет и никогда не было.

Это подтверждает необоснованность чисто механического перенесения суждений, относящихся к первенству, существующему на уровне Поместных Автокефальных Церквей, на универсальный уровень, о чем сегодня официально заявляет Русская Православная Церковь в документе «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» (2013). Распространение характеристик епархиального или поместного первенства на вселенский уровень неизбежно ведет к признанию единой вселенской юрисдикции единственного первоиерарха и упразднению существующих автокефалий. Именно эту ошибку повторяли последователи русского экзархата Вселенского Патриархата, желавшие обосновать вселенскую юрисдикцию Константинопольского Патриарха над диаспорой.

Позиции богословов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви в этом вопросе были наиболее близкими. Однако и «евлогиане» рассматривали функции вселенского патриарха не в терминах «юрисдикции» и власти над Поместными Церквами, а первенства в ответственности и служении, особой харизмы и преимущественного, но не исключительного права инициативы в решении общеправославных вопросов. Протопресвитер А. Шмеман неоднократно указывал на то, что онтологические свойства местной Церкви, возглавляемой епископом, не могут прилагаться к Поместным Автокефальным Церквам и распространяться на вселенский уровень, поскольку это неизбежно приведет к необходимости одного «сверхепископа» как центра и источника полноты Церкви.

Выдающийся канонист XX века профессор С. В. Троицкий обстоятельно доказал точку зрения, отраженную в официальных заявлениях Московского Патриархата, согласно которой Константинопольский Патриарх по действующим в Православной Церкви канонам не обладает судебной и иной начальственной властью в пределах других Поместных Автокефальных Церквей и не является высшей апелляционной инстанцией, правомочной пересматривать решения предстоятелей других Автокефальных Церквей. Суд предстоятелей Автокефальных Церквей не подлежит апелляции и может быть пересмотрен только Вселенским Собором. Константинопольский Патриарх имеет право судить других Патриархов лишь в роли третейского судьи, выбранного по обоюдному согласию сторон. Константинопольскому Патриарху не принадлежит исключительное право юрисдикции над православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. Эту позицию, несмотря на ее частичную критику со стороны «евлогиан», можно считать в целом адекватной русской богословской традиции.

В официальных заявлениях Московского Патриархата и трудах русских богословов разных направлений (в том числе «евлогиан») была выражена единая точка зрения на канонические правила Халкидонского Собора, согласно которой эти правила не могут служить основанием особых властных полномочий Константинопольского первоиерарха в пределах других Поместных Церквей и новых миссионерских территорий. Данную позицию можно считать наиболее соответствующей русской православной традиции в целом.

Следует отметить, что те русские богословы, которые допускали теоретическую возможность появления в Православной Церкви единого административного центра, полагали, что отсутствие такого центра промыслительно, так как предохраняет Церковь от соблазна папского абсолютизма и подчеркивает невидимое главенство Христа. Они особо подчеркивали, что высшая власть в Церкви не принадлежит никому, кроме Христа. Без духовного единства с Ним никакой церковный институт — даже правильно созванный с формально-канонической точки зрения Вселенский Собор — не является гарантом обладания истиной. Следует признать, что отсутствие в Православной Церкви единого административного центра при всех проистекающих от этого неудобствах в действительности представляет собой одну из важнейших степеней защиты вероучения и строя Православной Церкви от сиюминутных человеческих и политических влияний, о чем недавно сказал в одном из своих выступлений Святейший Патриарх Кирилл. В XX столетии русские богословы единодушно свидетельствовали о том, что при внешне правильной соборно-иерархической системе церковного управления реальное равновесие между первенством и соборностью может нарушаться, что не раз бывало в истории, а сама структура Церкви может превращаться в инструмент национальной, государственной и международной политики. Пребывание Поместных Автокефальных Церквей в разных государствах при отсутствии единого наднационального центра власти делает их более независимыми по отношению друг к другу. Если иерархи той или иной Поместной Церкви введут какие-либо сомнительные новшества, другие

Поместные Церкви смогут свободно им возразить. Вместе с тем проблема создания эффективно работающих механизмов координации совместных действий Поместных Автокефальных Церквей на всеправославном уровне продолжает стоять очень остро. Интересно, что для решения этой проблемы некоторые русские православные богословы даже предлагали создать постоянно действующий всеправославный синод.

— Вы упомянули о различиях в объяснении национального принципа 34-го Апостольского канона и пишете в своей работе о необоснованности догматизации территориального принципа в каноническом устройстве современной Православной Церкви. Объясните свою позицию.

— Вопрос о том, какой именно принцип лежит в основе церковного устройства — территориальный или национальный, — стал в XX столетии одним из ключевых для русской экклезиологии, начиная с возникшей в 1906 году на заседаниях Предсоборного присутствия полемики о точном смысле 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил. Проблема с толкованием этих правил заключалась в том, что 34-й Апостольский канон говорит о епископах всякого «народа» (ἔθνος), в то время как Антиохийское правило — о епископах «области» (ἐπαρχία), которые обязаны «ведать» и «почитать» своего первенствующего епископа. Защитники территориального толкования настаивали на том, что Церковь не может строить свою жизнь на национальном принципе, а термин «народ» в 34-м Апостольском каноне следует понимать не в прямом, а в гражданско-административном, «топографическом» смысле — как обозначение провинции Римской империи по имени населявшего ее народа.

В XX столетии в канонической традиции Русской Православной Церкви возобладал территориальный подход в трактовке 34-го Апостольского канона, что нашло отражение в официальных церковных документах. Богословы «евлогианской» ориентации, как и богословы Константинопольского Патриархата, настаивали на догматическом значении территориального принципа церковного устройства, из которого они, в частности, выводили невозможность существования на одной территории нескольких православных юрисдикций и, как следствие, необходимость подчинения Вселенскому патриарху всей православной диаспоры и новых миссионерских территорий. Богословы московской юрисдикции и юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, признавая важность территориального принципа, не соглашались с его абсолютизацией и допускали учет иных факторов, в том числе этнического, считая основным критерием удобство и благо Церкви в осуществлении ее главной миссии — приведении ко Христу человеческих душ.

Абсолютизация территориального принципа не позволяет сегодня окончательно разрешить имеющиеся проблемы диаспоры, автокефалии и универсального первенства. Если просто

логически довести принцип «только одна юрисдикция на одной территории» до конца, то во Вселенской Церкви должна остаться только одна юрисдикция — Вселенского патриарха, что соответствует Римской модели. И, по сути, эти претензии в заявлениях и действиях Константинополя уже видны. К чему приводит догматизация принципа «независимое государство должно обязательно иметь на своей территории независимую Церковь», показали события на Украине. Весьма показательно, что Константинопольский Патриархат в своем «томосе», выданном «Православной Церкви Украины», последовательно отразил все основные пункты своего учения о роли и значении территориального принципа в устройстве Церкви: юрисдикция «ПЦУ», согласно «томосу», ограничена территорией Украинского государства без права юрисдикции над своей диаспорой; ей запрещено ставить епископов или учреждать приходы за пределами Украинского государства, а уже существующие должны «согласно порядку» подчиниться Вселенскому престолу, который «имеет канонические полномочия в диаспоре». При этом, однако, в отношении самого себя Константинопольский Патриархат тут же сделал исключение из территориального принципа, потребовав сохранить неизменными «права Вселенского престола на Экзархат в Украине и священные ставропигии».

Очевидно, что современное православное сознание стоит перед необходимостью дальнейшего прояснения значения территориального принципа в устройстве Церкви. В XX столетии профессор С. В. Троицкий убедительно показал, что все попытки догматизировать в качестве единственного критерия этнический, политический, гражданско-административный, территориальный и иные преходящие «естественные» признаки в церковном устройстве оказались неудачными. Как мне представляется, предложенный в моей работе подход позволяет примирить имевшиеся противоречия. Его суть сводится к следующему.

34-е Апостольское и 9-е Антиохийское правила имеют в виду именно то, что они говорят: первое — этнический, второе — территориальный принцип церковного деления, которым в равной мере может следовать Церковь в различных условиях. 34-й Апостольский канон не нуждается в искусственных «топографических» толкованиях.

Территория представляет собой такой же внешний для Церкви «естественный» признак, что и национальность. Объект церковной миссии — народ, люди, а не та или иная национальность или территория. Главным принципом церковно-административного устройства всегда являлось удобство и благо Церкви в осуществлении ее основной миссии — спасении человеческих душ. В определении юрисдикционных границ Церковь может следовать разным внешним критериям — территориальным, национальным и иным, в том числе допуская существование параллельных православных юрисдикций, когда это полезно для пастырского окормления национальных диаспор.

Неизменным должно оставаться одно: в основе церковного строя должен лежать баланс между властью собора епископов и властью примаса. При этом важно, чтобы епископы встречали как можно меньше препятствий к соборному обсуждению и принятию общих решений: не имели серьезных затруднений в коммуникации друг с другом и находились вместе со своими епархиями в сходных условиях. Как показало проведенное исследование, именно эти принципы лежали в основе учреждения Поместным Собором 1917–1918 годов митрополичьих округов, Постановления № 362 1920 года святого Патриарха Тихона и позиции профессора С. В. Троицкого, которому в XX веке принадлежало наиболее удачное объяснение значения национального и территориального принципов в церковном устройстве.

В ранний период истории Церкви указанным критериям — легкости в коммуникации и схожести положения и условий, в которых находится паства епархий, — отвечал этнический принцип, отраженный в 34-м Апостольском правиле. Однако по мере приспособления Церкви к условиям жизни в империи этим критериям в большей степени стал отвечать принцип соответствия церковных границ гражданскому административному делению, как это и было отражено в более позднем по происхождению 9-м Антиохийском каноне. Именно этим объясняется трансформация этнического принципа 34-го Апостольского правила в административно-территориальный принцип 9-го Антиохийского канона.

Важно подчеркнуть, что понятия «этнос» и «национальность» не равнозначны; ἔθνος, о котором говорит 34-е Апостольское правило, не сводится к понятию национальности как кровного, генетического родства. В первые три века христианства ключевую роль в расширении Церкви и процессе церковной централизации играло единство того или иного этноса — по языку, культуре, компактности проживания, внешним условиям, в которых существовал данный народ. Максимальная легкость в коммуникации между епископами и общность народной жизни внутри единого этноса и определили употребление термина ἔθνος в 34-м Апостольском правиле.

С наступлением эпохи Вселенских Соборов ситуация изменилась. Церковь из гонимой стала Церковью имперской. В начале IV века вводится административное деление империи на провинции. Как следствие, в практике взаимного общения местных Церквей, определении границ епархий и формировании центров церковного управления доминирующее значение начинает приобретать не этнический фактор, а гражданское административно-территориальное деление Римской империи в данную эпоху.

В возникшей в XX веке новой ситуации с диаспорой указанным критериям в большей степени вновь стал соответствовать этнический принцип. Очевидно, что русские эмигранты, живущие в разных странах Европы, но связанные между собой общностью языка и близостью этнокультурных и исторических корней, гораздо легче и быстрее смогут понять друг друга, чем,

например, русские и греческие, пусть и проживающие в одной стране. Именно поэтому — в силу «исторических и пастырских причин»2 — Православные Поместные Церкви поныне сохраняют параллельные юрисдикции для окормления своих национальных диаспор. Это нельзя расценивать как экклезиологическую и каноническую аномалию.

И с этой точки зрения совершенно естественным и правильным является недавнее воссоединение Архиепископии приходов русской традиции в Западной Европе с Московским Патриархатом, по сравнению с тем путем ассимиляции в епархиях Константинопольской юрисдикции, на который ее толкал Константинопольский Патриархат.

Принципу церковного блага и практического удобства следует Церковь и в определении местоположения первенствующих кафедр. Утратившие силу каноны, древние титулы, столичное положение города, основание кафедры тем или иным апостолом, древность кафедры или ее былые заслуги и прочие подобные критерии могут приниматься в расчет, но они не имеют вечного, определяющего значения сами по себе. Первенство не принадлежит тому или иному престолу неотъемлемо, по «Божественному праву» или по тем или иным историческим основаниям (апостольскому происхождению, политическому значению города и т. д.), но определяется исключительно согласием Церквей. Эта точка зрения была характерна для русских богословов как «евлогианской», так и «московской» юрисдикций и может считаться адекватной русской православной традиции в целом.

Портал «Иисус»

Источник: https://mospat.ru/ru/news/86636/